

РУССКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П. М. БИЦИЛЛИ

Мария Анатольевна Васильева

Кандидат филологических наук, ученый секретарь.

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.

Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2.

E-mail: marijavasil@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается цикл работ историка, медиевиста и филолога П. М. Бицилли, посвященных национальному вопросу. Проблема русско-украинских отношений, освещаемая им, анализируется как часть много-сложного культурологического дискурса в контексте других исследований выдающегося гуманитария-энциклопедиста.

Ключевые слова: П. М. Бицилли, русское зарубежье, национальный вопрос, русско-украинские отношения, единство Европы, межвоенный период

Ссылка для цитирования: Васильева М. А. Русско-украинские отношения в исторической концепции П. М. Бицилли // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2020. Т. 3, № 4. С. 133–145.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-133-145

Проблеме русско-украинских отношений П. М. Бицилли посвятил ряд исследований. Самым крупным из них стала брошюра «Проблема русско-украинских отношений в свете истории», вышедшая в пражском издательстве общества «Единство» в 1930 году. Одна из последних знаковых работ на ту же тему — статья «Урок истории», опубликованная в парижском журнале «Новый Град» (Бицилли, 1939). За эти девять лет осмысление означенной *проблемы* претерпевает у Бицилли эволюцию, которую во многом определил политический и духовный климат стремительно меняющейся межвоенной эпохи.

Примечательно в издании 1930 года вступительное слово «От автора» — лапидарное определение диалогической парадигмы исследования:

«Моя настоящая статья обращена к тем русским и к тем украинцам, которые еще не потеряли надежды на возможность сговориться друг с другом и которые не думают, что то, что их разъединяет, есть исключительно результат злой воли, нежелания понять противника, взглянуть на вещи с его, противника, точки зрения. Я старался,

насколько было в моих силах, вскрыть существо так называемого украинского вопроса. Я хотел бы, чтобы мои статьи прочли те из украинцев, для которых этот вопрос является культурно-исторической проблемой, а не только и просто очередным заданием “реальной” политики, и чтобы они ответили мне: или попытались опровергнуть меня по существу, или — признали, что я прав» (Бицилли, 1930: 4).

В эмигрантской библиографии Бицилли брошюру предваряет свод статей, посвященных национальному вопросу, которые большей частью появились на страницах авторитетного эмигрантского парижского журнала «Современные записки»: «Фашизм и душа Италии» (1927), «Наследие Империи» (1927), «Нация и народ» (1928), «Нация и государство» (1929), «Нация и язык» (1929). К этому циклу примыкает работа «Нация и гражданство в средневековой коммуне», опубликованная в Загребе в «Buljčev zbornik» (1929).

Между тем «идея нации» как культурно-историческая проблема в творческом наследии Бицилли помещена в куда более широкий контекст и присутствует в той или иной степени сразу в нескольких парадигмах — от трудов по медиевистике до евразийского сюжета, от анализа упадка Римской империи до статей, посвященных злободневным вопросам XX века. Тема русско-украинских отношений вплетена в этот многосложный дискурс и является его неотъемлемой частью. Пожалуй, в этом одна из весомых заслуг Бицилли в его рецепции одной из самых животрепещущих проблем славянского мира.

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) — выдающийся мыслитель, историк, медиевист, филолог; уроженец Одессы, выпускник и преподаватель ИНУ (Императорского Новороссийского университета); эмигрант, оказавшийся в изгнании именно на славянской земле — сперва в 1920 году в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, затем с 1924 года и до конца своей жизни связавший судьбу с Болгарией; профессор Софийского университета (до 1949), где также долгие годы возглавлял кафедру всеобщей истории. Все эти вехи в судьбе ученого так или иначе повлияли на его видение нации как «психической величины» (Бицилли, 1931: 364).

В свете заявленной темы особое значение имело и то, что Бицилли в зрелые годы обрел статус эмигранта, — не только апатрида (человека вне родины, своего культурного окружения и родного языка), но и «человека мира». Во всяком случае, оказавшись в Софии (то есть на периферии зарубежной России), он сумел выстроить диалог с гуманитарной наукой принявшей его страны, а также русского зарубежья, славянского мира и Запада. Благодаря высокой научной культуре и актуальному мировидению Бицилли стал одним из наиболее востребованных авторов ведущих эмигрантских периодических изданий.

Обращаясь к «национальному сюжету» в трудах Бицилли, важно учесть, что их автор — видный гуманитарий-энциклопедист, привнесший в изучение нацио-

нального вопроса концепты и традицию российской медиевистики, интеллектуальную и методологическую базу, заложенную ИНУ и петербургской школой И. М. Гревса (магистерскую диссертацию по итальянскому Средневековью Бицилли защищал в Петроградском университете). Не случайно в ряду статей по национальному вопросу занимает видное место его работа «Нация и гражданство в средневековой коммуне» (1929). Мыслитель с самобытной концепцией периодизации истории, проводивший дерзновенные параллели между Средневековьем и веком XX (концепция «Нового средневековья», опередившая труд Бердяева) или между эпохой Возрождения и расцветом русской культуры и классической литературы XIX века. Автор монографии «Падение Римской империи», вышедшей в Одессе в переломном для Европы 1919 году¹, он также выстраивал масштабную аналогию между эпохой падения Древнего Рима и переделом Европы после Первой мировой войны — эпохой очередного распада многонациональных империй и создания новых государств. Особенности становления нетривиальной *феноменологии нации* в идейном наследии Бицилли здесь перечислены неслучайно. В работах, посвященных русско-украинским отношениям, глубинно переплелись многомерные концепции ученого-энциклопедиста и непростая судьба изгнанника, которая требовала особой оптики — многомерного взгляда на мир. Именно в силу многомерности культурфилософской мысли ученого его размышления, посвященные феномену русско-украинских отношений, оказывались далеки от политиканства, а их разработка облекалась в форму не публицистического памфлета, а фундаментального культурологического исследования. Его взгляды на проблему русско-украинских отношений не теряют актуальности и сегодня, а, по замечанию В. Ю. Даренского, предложенный софийским профессором «анализ этой остроактуальной темы полноправно войдет в современное гуманитарное и историческое сознание» (Даренский, 2018: 41).

Исследование Бицилли — неотъемлемая часть масштабной дискуссии русской эмиграции первой волны вокруг «украинского вопроса»². Примечательно, что в том же году в Праге в издательстве общества «Единство» вышла книга видного историка и политика В. А. Мякотина «Переяславский договор 1654-го года», вызвавшая острую полемику вокруг проблемы «украинства»³. В первое «эмигрантское» десятилетие (1920–1930) в пражских издательствах вышел ряд знаковых исследований, в той или иной мере посвященных «украинскому вопросу» — от фундаментального труда выдающегося политического деятеля П. Н. Милюкова до небольшой брошюры обосновавшегося в Белграде профессора В. Д. Плетнева (Милюков, 1925; Плетнев, 1928). Прага стала средоточием дискуссии вокруг

¹ См. (Бицилли, 1919).

² См. об этом (Малинов, 2008; Антоненко, 2011; Мартин-Иогансон, 2020).

³ О полемике вокруг книги В. А. Мякотина см. (Варшавский С., 1926).

русско-украинских отношений неслучайно. Здесь нашли отражение не только эмигрантская рецепция послереволюционного национального кризиса, но и национальная политика недавно созданного славянского государства Чехословацкая Республика, где немалую роль играл «украинский вопрос». В межвоенные годы Чехословакия оказала ощутимую поддержку выходцам из бывшей Российской империи, предоставив возможность беженцам сформировать свою ментальную среду. В Праге наряду с русскими учреждениями возникла целая сеть украинских общественных, образовательных и культурных центров — 30 профессиональных организаций, 15 издательств и редакций, ряд крупных учебных заведений (в том числе Украинский свободный университет и Украинский высший педагогический институт им. М. Драгоманова)⁴. Вместе с тем правительство Чехословакии не поддерживало украинский сепаратизм, видя в нем прямую опасность раскола славянства, ослабления России и как следствие — украинское «подчинение немцам» (Бенеш, 1934: 23) и укрепление пангерманизма⁵. Сбалансированная политика молодого государства нуждалась в научно обоснованных и взвешенных концепциях, укрепляющих славянский мир. Этим требованиям в большой степени отвечало исследование П. М. Бицилли.

Брошюра «Проблема русско-украинских отношений в свете истории» стала также откликом на резонансную работу Н. С. Трубецкого «К украинской проблеме», которая положила начало научной полемике, в том числе с украинским историком и политическим деятелем Д. И. Дорошенко (Трубецкой, 1927; Дорошенко, 1995)⁶. Бицилли в рецензии на «Евразийский временник» высоко оценил «написанную чрезвычайно просто, с благородной сдержанностью, но с большой выразительностью» статью Трубецкого, отметив при этом «ряд почти буквальных совпадений со взглядами, высказанными мною, одновременно с кн. Трубецким, в статье “Наследие Империи”» (Бицилли, 1927а: 552–553). «Когда два человека, совершенно независимо друг от друга, приходят к одинаковым мыслям, это служит известным доказательством в пользу их правоты», — подчеркнул он (Там же: 553). Тем самым Бицилли становился заочным участником полемики 1927 года, «ответ» этого диалога мы находим и в его книге, посвященной проблеме русско-украинских отношений.

Вернемся к самой брошюре 1930 года. В ней автор отмечает один из характерных парадоксов русско-украинских отношений — попытку экспроприации части истории:

⁴ См.: (Korčínová, 1999; Сладек, Белошевская, сост., 1998).

⁵ См. (Виднянский, 1996).

⁶ См. (Замраева, 2014).

«Спор между русскими и украинцами принято вести в так называемой исторической плоскости. Обе стороны ссылаются на факты истории или, по крайней мере, на такие, которые они считают историческими: факты истории учреждений, социальных и политических отношений, языка и т. д. Украинцы, напр<имер>, присваивают себе Олега, Святослава и Владимира; проф. Грушевский доказывает, что так называемый древнейший период русской истории — это на самом деле история “Украины-Руси”, что естественным продолжением этой истории является история Западной Руси, а не Московский период, что последний есть начало истории другого народа, что это — другая история. Украинцы настаивают на древности самого имени Украина, тогда как русские доказывают, что Украина в старину именовалась Русью и самый народ звал себя русским» (Бицилли, 1930: 4).

Сам Бицилли рассматривал национальный вопрос в целом, как и вопрос русско-украинских отношений, в контексте научной проблемы исторического синтеза. Он ставил под сомнение каноническую периодизацию с ее умозрительной дискретностью и статичными дефинициями, которые, в сущности, не отражают динамичности исторического процесса. Этой проблеме историк посвятил ряд фундаментальных исследований, в том числе программный труд (Бицилли, 1925). Русско-украинский вопрос и связанный с ним историко-политический и языковой спор ученый также рассматривал через призму непрерывности истории. Бицилли утверждал, что исторические процессы в силу своей текучести обладают необратимостью:

«История есть постоянное обновление, вечное становление, движение вперед — все равно, к “лучшему” или к “худшему”, — она необратима. Так называемые исторические аргументы, т. е. аргументы от данных исторического прошлого, сами по себе не имеют, не могут иметь решительно никакой силы и никакого значения в применении к историческому настоящему или историческому будущему. Допустим, что правы украинцы, что в 1654 году Украина была обманута, что по отношению к ней Москва совершила несправедливость. Завоевание в 1223 году французским королем Тулузского графства, края с богатой, самобытной культурой, с несомненной собственной историей, было во всяком случае не меньшей “несправедливостью”. Однако кто во Франции думает об отделении земель, входивших некогда в состав Тулузского графства? Филологические аргументы имеют не больше весу. Грань между “языком” и “диалектом” весьма условна» (Бицилли, 1930: 6).

Также через призму континуальности языкового пространства Бицилли рассматривал языковую славянскую общность, где всеединство и отдельность являются органичным проявлением индивидуальности.

«Болгарин без всякого труда понимает русские книги, а русский — болгарские. Французу незачем учиться итальянскому языку для того, чтобы читать в подлиннике Петрарку. Однако это не создает никакой угрозы самостоятельному существованию Италии и Болгарии или России и Франции. Можно группировать языки, из соображений научного удобства, как угодно: можно устанавливать между ними те или иные степени родства, с точки зрения словаря, морфологии и т. д. Самостоятельность, особенность, отдельность каждого данного языка есть факт политики, культуры, не — филологии. С точки зрения науки, филологии, болгарский язык, напр<имер>, ближе к сербскому, чем к русскому, ближе в отношении фонетики и морфологии; ведь именно этим, а не словарем, определяются в науке соотношения между языками; с точки зрения житейской еще вопрос, к какому из двух языков, русскому или сербскому, болгарский ближе: для понимания важно прежде всего сходство словаря. Но нет никакого сомнения, что болгарский, сербский и русский языки — отдельные, самостоятельные языки. Почему? Да просто потому, что болгары, сербы, русские — отдельные нации» (Там же: 7–8).

В брошюре 1930 года Бицилли анализировал актуальный исторический момент, сравнивая процесс распада двух империй: Австро-Венгерская империя была прежде всего экономическим единством, и ее распад сильно сказался на экономике целого ряда регионов, которые потом оформились в государства; экономический распад Римской империи был заложен в самом ее устройстве, однако культурное единство продолжало существовать долгие годы.

«И этот *individuum* пережил империю, в недрах которой он зачался. Некоторые части его удержались в течение веков. До XVI века вся христианская церковь в Западной Европе была единою римскою церковью. Латинский язык оставался языком Школы и Государства в течение всего средневековья и начала нового времени, а языком церкви он остается у католиков и по сей день» (Там же: 10).

Хозяйственная и политическая изоляция бывших провинций Империи, областное самоопределение в языке и культуре и зарождение отдельных наций, по замечанию Бицилли, не означало возврата к формам, предшествовавшим римскому завоеванию:

«...там, где романизация проникла достаточно глубоко, римское культурное начало подчинило себе как эти элементы, так и новые, занесенные “великим переселением народов”. Испанцы — не кельтиберы и не визиготы, французы — не франки и не галлы, итальянцы — не лангобарды. Образование этих наций было прежде всего процессом дифференциации римской нации; их языки — ничто иное, как “диалекты” языка римлян, развившиеся из так называемой “простонародной латыни”» (Там же).

С точки зрения Бицилли, история как постоянный процесс становления и распада различных коллективов, или «коллективных организмов» (наций, государств, империй) показывает два образца, где в одном случае такие процессы происходят органично, изнутри, а в другом — механистично, извне. Говоря об опасности для государства как живого организма механистичности национальной идеи самой по себе, Бицилли замечает: оберегание национального бытия не совсем то же, что восстановление этого бытия. Второе неминуемо требует культурологического конструирования поверх объективных исторических процессов — искусственной временной петли, возвращения назад и создания новой нации по образу некогда существовавшей.

«Национальная традиция не резервный фонд, не забронированный капитал; она, как всякая историческая величина, есть процесс, непрекращающееся становление, рост и перерождение национальных ценностей в национальной душе. Точнее говоря, она есть сама эта национальная душа, вечно обнаруживающая себя и вечно обновляющаяся национальная энергия» (Там же: 29).

При этом ученый не отрицал возможности создания нации сознательными действиями национальных деятелей (пример — создание ирландской нации, румынской, литовской, эстонской и т. д.). Однако в случае русско-украинских отношений годы взаимного развития в условиях общерусской культуры, с точки зрения Бицилли, не могут быть отменены в одночасье «в результате простого волеизъявления».

«...с целыми народами таких внезапных превращений не бывает. Но обработка народа в течение ряда поколений путем пропаганды и школы, но политическая и экономическая изоляция могут, в конце концов, перевоспитать народы. Украинскую нацию создать можно. В этом украинизаторы вполне правы» (Там же: 19).

Так же провидчески Бицилли указывал на возможные отрицательные стороны процесса украинизации:

«Украинизаторы не скрывают, что в ряде местностей, считающихся “украинскими”, население, если бы ему было предоставлено на выбор решение — какой язык ввести в школе, высказалось бы не за украинский, а за русский, “российский”. Они указывают, что вековое политическое и культурное господство “Москвы” убило в украинском народе сознание своей особности и волю к национальному самоопределению. Те из сынов этого народа, которые это сознание и эту волю имеют, обязаны принудить свой народ национально возродиться. Нельзя спрашивать украинцев,

какой школы они хотят. Надобно дать им ту школу, которой они сами бы пожелали, если бы они помнили о своем украинстве. Никто не имеет права на самоубийство, ни единичная личность, ни народ. Это рассуждение родственно тому, которым церковь в свое время оправдывала преследования еретиков. Никто не имеет права губить свою душу. Кто не хочет спастись, тот должен быть принужден к этому насильем» (Там же: 12–13).

Здесь, уходя от субъективных оценок брошюры П. М. Бицилли, необходимо отметить ее острую актуальность, еще более явленную в наши дни, спустя почти век после публикации.

Между тем Бицилли отмечает, что идея украинского возрождения «вовсе не какой-либо вздорный вымысел политиканов и праздномыслящих романтиков», ей нельзя отказать в жизненности и «отмахнуться от нее было бы преступно и глупо» (Там же: 13–14). Однако при этом он предлагает учитывать не только признак наличия национальности, но и условия возникновения национальной жизни. Здесь ученый подходит «к самому центру проблемы, к вопросу о том, как вообще возникают национальные *individua*, в чем состоит сложнейший и таинственный процесс формирования национальной “души”, национальной личности» (Там же: 14). По Бицилли, существенным и наиболее очевидным признаком нации является язык, в то же время, избегая тенденциозности, он замечает, что строгого параллелизма между эволюцией языков и эволюцией национальностей нет, на деле между этими величинами существует множество разнообразных форм взаимосвязи.

Обращаясь к языковой проблеме, в том числе к проблеме возрождения национального языка, Бицилли снова отсылает к феномену подвижности, непрерывности становления исторических и культурных процессов, убедительно замечая, что язык — не вещь, а творческий процесс.

«Язык не одно и то же, что грамматика и словарь. Язык находится в непрестанном движении, он вечно обновляется, он — живет. Если бы каждая данная этническая группа пользовалась, в смене поколений, одним и тем же, не поддающимся изменениям, языком, то разрешение проблемы национальностей значительно бы облегчилось» (Там же: 15).

К финалу исследования Бицилли высказывает одно из ключевых положений в его культурологической парадигме: поистине, национальная культура предлагает миру образцы, которые значительно возвышаются над национальным вопросом как таковым. Они понятны всем народам, они преодолевают специфически местное узконациональное, несут в себе отблеск вечной красоты — как «Илиада» Гомера или «Божественная комедия» Данте.

Брошюра 1930 года стала также сюжетным прологом ряда исследований Бицилли, посвященных проблеме европейского единства. Историк видел «украинскую проблему» как часть ключевой проблемы истории XX века, которая «знаменует собой завершение исторического процесса, тянувшегося со времени Средневековья» (Там же: 19), и открывает эпоху самоопределения народов и образования национальных государств. Замечая, что европейская политическая система отживает свой век, а Европа как система национальных государств не в состоянии выдержать конкуренции крупных держав, Бицилли ставит вопрос о возможном объединении Европы по аналогии с США. Специально этой теме он посвятит очередную статью в «Современных записках» — «U.S.E.?» (Бицилли, 1931) и снова вернется к тому же вопросу на страницах эмигрантского журнала «Новый Град».

Основные положения издания 1930 года (украинский вопрос, кризис национального государства как идеологемы, проблема европейского единства) Бицилли воспроизведет в статье «Урок истории» (Бицилли, 1939). Между тем переломное десятилетие, разделяющее эти две работы, формирует новый беспрецедентный контекст, что находит отражение в новоградской публикации. В эти годы национальный вопрос стал главенствующим в европейском геополитическом ландшафте, проявляя себя в разнообразных изводах — от национальной идеи Муссолини (в том числе идеи корпоративного государства во имя экономического и национального единства) до набирающей силу русской национальной идеи в эмиграции, представленной во множестве общественно-политических течений (идеология солидаристов, младороссов, национал-максималистов и т. д.⁷). Решающими событиями десятилетия стали приход к власти национал-социалистов в Германии (декрет «О защите народа и государства», закон о реорганизации империи и т. д.) и начало Второй мировой войны. В этой сгущающейся атмосфере постепенной фашизации Европы Бицилли начинает сотрудничать с журналом «Новый Град» — выдающимся печатным органом, который мыслился создателями (И. И. Бунаков (Фондаминский), Г. П. Федотов, Ф. А. Степун) как альтернатива разрушительным тенденциям предвоенного десятилетия. В скобках заметим, что статьи Бицилли по национальному вопросу, появившиеся ранее в «Современных записках», по своей злободневности были не столько близки мнемонической традиции этого журнала, сколько новоградскому дискурсу. Примечательно также, что Бицилли с первого номера стал одним из самых активных авторов «Нового Града», в целом по числу публикаций он уступил только двум идеологам издания — Федотову и Степуну, опередив Бунакова (Фондаминского). Весьма символично, что в последнем, предвоенном номере ученый опубликовал

⁷ Первый обстоятельный обзор эмигрантских пореволюционных течений в русском зарубежье дал В. С. Варшавский. См.: (Варшавский В., 2010; Васильева, 2010).

поистине новоградскую статью «Урок истории», где украинский вопрос вплетен в общемировой контекст и соотнесен с процессом национального и политического становления новой Германии.

Подчеркивая, что «украинский вопрос не выдумка каких-нибудь интриганов, авантюристов, или беспочвенных романтиков: он — *есть*» (Там же: 62), автор статьи между тем замечает, что в современном историческом пространстве национальный вопрос не может быть решен до конца, если только не идти путем «чистки». Собственно, в этом и есть трагический урок истории, который преподала новая Германия. Если учесть, что с 1933 года уже действовал концлагерь Дахау, рассуждения историка менее всего походили на отвлеченную теорию.

В предвоенный год Бицилли по-новому формулирует и ряд положений ранней работы 1930 года. Феноменология нации в идейных построениях Бицилли претерпевает эволюцию и во многом теряет свою амбивалентность. Так, в новоградской статье мы найдем утверждение, что «нигде и никогда нация не была базой, на которой создано государство» (Там же: 64), — на деле это подмена реальных величин именами. Очевидно, что прежняя амбивалентность не совпадала с историческим контекстом — слишком быстро и трагически развивались события в политическом пространстве Европы, а национальная политика Германии играла роль лакмусовой бумажки как для украинского, так и для национального вопроса в целом. Накануне Второй мировой войны и очередного насильственного передела Европы Бицилли снова вернулся к идее ее возможного объединения, замечая при этом, что «национальная проблема не только не исключает проблемы единства, но только при сохранении единства и может быть “разрешена”» (Там же: 66). По Бицилли, в процессе федерализации Европы национальный вопрос может быть решен органично и не за счет других наций. Иной путь — расползание псевдонациональной империи — ведет к национальному обезличению. Взаимосвязь европейских народов, их глубинное культурное единство Бицилли видел так же, как и органичное, созданное веками единство общерусской культуры — «национальное “ядро” вместе с его “туманностью”» (Бицилли, 1927b: 314).

Знаменательно, что идею европейского единства Бицилли высказал задолго до создания Европейского союза.

Литература

- Антоненко, 2011 — Антоненко Н. В. Эмигрантские либеральные концепции решения национального вопроса в России // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (93). С. 259–263.
- Бенеш, 1934 — Бенеш Э. Речь о Подкарпаторусской проблеме: [Подкарпатская Русь с точки зрения международной политики]. Прага: Zemský výbor čsl. obce legionářské для Подкарпатской Руси в Ужгороде, 1934. 44 с.
- Бицилли, 1927a — Бицилли П. М. Евразийский временник. 1927. Кн. V // Современные записки. 1927. № 33. С. 552–553.
- Бицилли, 1927b — Бицилли П. М. Наследие империи // Современные записки. 1927. № 32. С. 311–325.
- Бицилли, 1925 — Бицилли П. М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. 339 с.
- Бицилли, 1919 — Бицилли П. М. Падение Римской империи. Одесса: А. А. Ивасенко, 1919. 104 с.
- Бицилли, 1930 — Бицилли П. М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Единство, 1930. 38 с.
- Бицилли, 1939 — Бицилли П. М. Урок истории // Новый Град. 1939. № 14. С. 61–69.
- Бицилли, 1931 — Бицилли П. М. U.S.E.? // Современные записки. 1931. № 45. С. 362–388.
- Варшавский В., 2010 — Варшавский В. С. Незамеченное поколение / сост., коммент. О. А. Коростелева и М. А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. 544 с.
- Варшавский С., 1926 — Варшавский С. И. Украинский вопрос в свете революции // Возрождение. 1926. № 527. 11 ноября.
- Васильева, 2010 — Васильева М. А. О Владимире Сергеевиче Варшавском: биографический очерк // Варшавский В. С. Незамеченное поколение / сост., коммент. О. А. Коростелева и М. А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. С. 405–424.
- Виднянский, 1996 — Виднянский С. Украина и «украинский вопрос» в политике Чехословакии // Украинская государственность в XX веке. Киев: Політична думка, 1996. URL: <http://litopys.org.ua/ukrxxg/a10.htm> (дата обращения: 03.10.2020).
- Даренский, 2018 — Даренский В. Ю. Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П. М. Бицилли // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 34–42.
- Дорошенко, 1995 — Дорошенко Д. И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н. С. Трубецкого // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 380–393.
- Замраева, 2014 — Замраева Е. И. «Украинская проблема» в русле евразийской концепции Н. С. Трубецкого // Политика и безопасность. 2014. № 4 (28). С. 31–36.
- Малинов, 2008 — Малинов А. В. Национальный вопрос в русской эмигрантской философской мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2008. № 2. С. 36–43.
- Мартин-Иогансон, 2020 — Мартин-Иогансон Э. Россия и Украина. К историографии украинского вопроса // Свободная мысль. 2020. № 3. С. 159–174.
- Миллюков, 1925 — Миллюков П. Н. Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага: Свободная Россия, 1925. 192 с.
- Плетнев, 1928 — Плетнев В. Д. Вопросы жизни: украинский вопрос: может ли существовать независимая Украина? Прага: Хутор, 1928. 54 с.
- Сладек З., Белошевская Л., сост. — Документы к истории русской и украинской эмиграции в чехословацкой республике (1918–1939) / сост. З. Сладек, Л. Белошевская. Прага: Славянский институт АН ЧР; Еурославика, 1998. 344 с.
- Трубецкой, 1927 — Трубецкой Н. С. К украинской проблеме // Евразийский временник. 1927. Кн. V. С. 165–184.
- Kopřivová, 1999 — Kopřivová A. Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze: Adresář [Русская, украинская и белорусская эмиграция в Праге: Список адресов]. Praha: Národní knihovna ČR; Slovanska knihovna, 1999. 29 с.

RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS IN THE HISTORICAL CONCEPT OF P. M. BICILLI

Maria A. Vasilyeva

PhD (Philology), Academic Secretary.

Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad.

2 Nizhnyaya Radishchevskaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: marijavasil@mail.ru

Abstract. The article considers a series of works by the historian, medievalist and philologist P. M. Bicilli on the national issue. The problem of Russian-Ukrainian relations, covered by Bicilli, is considered as part of a complex cultural discourse in the context of other studies of an outstanding humanitarian encyclopedist.

Keywords: P. M. Bicilli, Russian abroad, national issue, Russian-Ukrainian relations, unity of Europe, interwar period

For citation: Vasilyeva, M. A., 2020. Russian-Ukrainian Relations in the Historical Concept of P. M. Bicilli. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 133–145.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-133-145

References

- Antonenko, N. V., 2011. Emigrantskie liberal'nye koncepcii resheniya nacional'nogo voprosa v Rossii [Emigrant liberal concepts of solving the national issue in Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 1(93), 259–263.
- Benesh, E., 1934. *Rech' o Podkarpatorusskoj probleme: [Podkarpatskaya Rus' s tochki zreniya mezhdunarodnoj politiki]* [Speech about the Subcarpathus problem: [Subcarpathian Russia from the point of view of international policy]]. Praga: Zemský výbor čsl. obce legionářské dlya Podkarpatskoj Rusi v Uzhgorode.
- Bicilli, P. M., 1927a. Evrazijskij vremennik [Eurasian chronicle], Book V. *Sovremennye zapiski*, 33, 552–553.
- Bicilli, P. M., 1927b. Nasledie imperii [Empire heritage]. *Sovremennye zapiski*, 32, 311–325.
- Bitsilli, P. M., 1925. *Ocherki teorii istoricheskoi nauki* [Essays on the theory of historical studies]. Praga: Plamya.
- Bitsilli, P. M., 1919. *Padenie Rimskoi imperii* [The Fall of the Roman Empire]. Odessa: A. A. Ivasenko.
- Bitsilli, P. M., 1930. *Problema russko-ukrainskikh otnoshenii v svete istorii* [The problem of Russian-Ukrainian relations in the light of history]. Praga: Edinstvo.
- Bitsilli, P. M., 1931. U.S.E.?. *Sovremennye zapiski*, 45, 362–388.
- Bitsilli, P. M., 1939. Urok Istorii [History example]. *Novyi Grad*, 14, 61–69.
- Darenskii, V. Yu., 2018. Analiz paradoksov ukrainskoi natsional'noi identichnosti v kontseptsii P. M. Bitsilli [Analysis of the paradoxes of Ukrainian national identity in the concept of P. M. Bicilli]. *Gumanitarnyi vector*, 13(4), 34–42.

- Dokumenty k istorii russoj i ukrainskoj emigracii v chekhoslovackoj respublike (1918–1939)* [Documents on the history of Russian and Ukrainian emigration in the Czechoslovak Republic (1918–1939)], comp. by Z. Sladek, L. Beloshevskaya. Praga: Slavyanskij institut AN CHR; Euroslavika.
- Doroshenko, D. I., 1995. “K ukrainskoj problem”. Po povodu stat’i kn. N. S. Trubeckogo [“To the Ukrainian problem”. Regarding the article, Prince N. S. Trubetskoy]. In: Trubeckoj, N. S. *Istoriya. Kul’tura. Yazyk*. Moscow: Progress. 380–393.
- Koprshiiivova, A., 1999. *Russkaya, ukrainskaya i belorusskaya emigraciya v Prage: Spisok adresov* [Russian, Ukrainian and Belarusian emigration to Prague: List of addresses]. Praha: Národní knihovna ČR; Slovanska knihovna.
- Malinov, A. V., 2008. Nacional’nyj vopros v russoj emigrantskoj filosofskoj mysli [National question in Russian emigrant philosophical thought]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, 36–43.
- Martin-Ioganson, E., 2020. Rossiya i Ukraina. K istoriografii ukrainskogo voprosa [Russia and Ukraine. Historiography of Ukrainian question]. *Svobodnaya mysl’*, 3, 159–174.
- Milyukov, P. N., 1925. *Nacional’nyj vopros: (Proiskhozhdenie nacional’nosti i nacional’nye voprosy v Rossii)* [National question: (Origin of nationality and national issues in Russia)]. Praga: Svobodnaya Rossiya.
- Pletnev, V. D., 1928. *Voprosy zhizni: ukrainskij vopros: mozhet li sushchestvovat’ nezavisimaya Ukraina?* [Questions of life: Ukrainian question: can an independent Ukraine exist?]. Praga: Hutor.
- Trubeckoj, N. S., 1927. K ukrainskoj probleme [On the Ukrainian problem]. *Evrazijskij vremennik*, V, 165–184.
- Varshavskij, S. I., 1926. Ukrainskij vopros v svete revolyucii [The Ukrainian question in the light of the revolution]. *Vozrozhdenie*, 527, November 11.
- Varshavskij, V. S., 2010. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed Generation], ed. with notes by O. A. Korostelev & M. A. Vasil’eva. Moscow: Dom russkogo zarubezh’ya im. A. Solzhenicyna: Russkij put’.
- Vasil’eva, M. A., 2010. O Vladimire Sergeeviche Varshavskom: biograficheskij ocherk [About Vladimir Sergeevich Varshavskij: biographical essay]. In: Varshavskij, V. S. *Nezamechennoe pokolenie* [Generation unnoticed], ed. with notes by O. A. Korostelev & M. A. Vasil’eva. Moscow: Dom russkogo zarubezh’ya im. A. Solzhenicyna: Russkij put’. 405–424.
- Vidnyanskij, S., 1996. Ukraina i “ukrainskij vopros” v politike Chekhoslovakii [Ukraine and the “Ukrainian question” in Czechoslovakia’s politics]. In: *Ukrainskaya gosudarstvennost’ v XX veke* [Ukrainian statehood in the XXth century]. Kiev: Politichna dumka. Available at: URL: <http://litopys.org.ua/ukrxxr/a10.htm> (Accessed: 03.10. 2020).
- Zamraeva, E. I., 2014. “Ukrainskaya problema” v rusle evrazijskoj koncepcii N. S. Trubeckogo [“Ukrainian problem” in line with the Eurasian concept of N. S. Trubetskoy]. *Politika i bezopasnost’*, 4(28), 31–36.